Слава Зорина

ИЗМЕНА

Скальпель для двоих

Слава Зорина

Измена: скальпель для двоих

«Автор»
2026

Зорина С.

Измена: скальпель для двоих / С. Зорина — «Автор», 2026

— Я же всегда говорила тебе, милая, красота решает.Это какой-то сюрреализм Моя мать, в моей постели, с моим мужем.— Что, нечего сказать? Беги к своим ожоговым уродцам, это ведь единственное место, где ты чувствуешь себя красивой — рядом с теми, кому хуже.Мне тридцать два, я лучший пластический хирург города, могу вернуть человеку лицо практически после любой катастрофы.Но вряд ли я смогу убрать шрамы после той, которую сотворила моя родная мать!— Думаешь, он первый, кого я у тебя увела? — Она даже не пытается прикрыться, вальяжно сидя на моей кровати. — Я всю жизнь тебе говорила: красота — это власть, а ты закопала себя в операционной. Ну и что тебе дали твои дипломы? Я и в пятьдесят четыре могу забрать у тебя всё.

© Зорина С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 9
Глава 3 13
Глава 4 16
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Слава Зорина
Измена: скальпель для двоих

Глава 1

Будильник я всегда ставлю на шесть пятнадцать, но глаза сами по себе открываются в шесть ноль три.

Каждый день, уже лет десять, без единого сбоя — внутренние часы работают надёжнее любого приложения! Артём называет это моим суперталантом и шутит, что в следующей жизни я стану швейцарским механизмом. Я привычно смеюсь на эту его шутку, хотя она уже давно перестала быть смешной.

Я повернула голову на сторону мужа. Спит, как сурок... Его половина кровати привычно смята, как так можно спать, в самом-то деле, одеяло сбилось к краю, а из-под подушки торчит угол телефона. В принципе именно это я и фиксирую каждое утро, как упомянутый им механизм. Раньше он клал телефон на тумбочку, экраном вверх. Теперь прячет. Наверное, чтобы уведомления не мешали мне спать.

Наверное…

Я выскальзываю из постели, стараясь не потревожить его, хотя он всё равно не проснётся: Артём спит как убитый до последнего момента, а потом вскакивает, носится по квартире вихрем, залпом опрокидывает в себя мой кофе и целует в макушку на бегу... хотя, нет. Так было пять лет назад, три года назад… возможно, полгода? Сейчас же он просто уходит раньше меня, и мы сталкиваемся в прихожей на тридцать секунд, не больше. Я размышляю об этом закрывая дверь спальни, наконец-то шумно выдыхаю и оглядываюсь.

Пентхаус встречает меня панорамными окнами и рассветом над городом. Мы купили эту квартиру три года назад на мои деньги, но записали на двоих, потому что «так принято в нормальных семьях». Мне было всё равно, чьё имя стоит в документах — я и так знала, что заработала на каждый квадратный метр этого мрамора и этого вида, ну и потом, если не доверять мужу на старте отношений, то о чем говорить потом? Хотелось верить, что мы оба с ним цивилизованные люди, в самом то деле…

— Так, все, хорош рефлексировать, — пробормотала себе под нос. — Пора собираться, сегодня будет очень сложный день.

Ох знала бы я, когда об этом думаю, НАСКОЛЬКО он окажется сложным.

Ну а пока меня ждал душ, легкий завтрак, новости из соцсетей. После я нанесла легкий макияж, ровно столько, чтобы выглядеть ухоженной, но не вызывающей и не привлекающей к себе лишнего внимания. Волосы собирала в низкий узел на затылке. Из одежды у меня давно собралась удобная капсула, сегодня был черед строго платья-футляра, телесных лодочек.

Мама говорит, что я хороню свою красоту под слоем «больничной тоски».

— Мама много чего говорит… — шепчу, разгляживая на платье несуществующие складки.

Стоит только об этом пдумать, как телефон вибрирует на кухонном острове, и на экране высвечивается её фото — та самая обложка девяносто шестого года, которую она поставила себе на аватар, потому что «на современных снимках свет всегда неудачный». На фото ей двадцать три, и она действительно невозможно красива: скулы как у греческой статуи, глаза с поволокой, губы, ради которых женщины сейчас платят тысячи.

— Доброе утро, мам.

— Мариша, солнце, ты уже встала? — голос у неё бодрый, хотя я точно знаю, что она легла в три ночи после вечеринки. Виктория Ларина не признаёт возраст, усталость и здравый смысл в равной степени. — Не забыла про воскресенье?

— Семейный ужин. Помню.

— Надень что-нибудь приличное, у меня будут подруги. И скажи Артёму, что я получила те документы на спа, он вчера заезжал, такой внимательный мальчик. Тебе повезло с мужем, между прочим.

Я застываю с чашкой в руке.

— Он заезжал к тебе?

— Ну да, завёз бумаги на новую программу. Он же хочет открыть спа-направление в своих салонах, я рассказывала. Или не рассказывала? Неважно. В общем, он попросил меня посмотреть контракты, я же всё-таки разбираюсь в этой индустрии.

— Ты разбираешься в контрактах?!

— Я разбираюсь в людях, дорогая. А контракты — это просто буквы на бумаге.

За тридцать два года я так и не научилась спорить с её логикой. Возможно, потому что её логика существует в какой-то параллельной вселенной, куда у меня нет доступа.

— Хорошо, мам. Я передам.

— И не опаздывай в воскресенье! Ты вечно опаздываешь.

Я не опаздываю примерно никогда, но объяснять это или спорить бесполезно.

Клиника «Эстетик Прайм» занимает четыре этажа собственного здания с видом на реку. Мрамор, стекло, приглушённый свет, орхидеи в кашпо, улыбчивый, внимательный, но незаметный персонал. Все рабоатет как часики, да. Наверное, Артём в чём-то и прав. Подумав об этом, за многое врем впервые улыбаюсь. Я и правда выстроила вокруг себя механизм, работающий бе сбоев. Вот она – моя территория. Моё королевство. Единственное место, где я точно знаю, что делаю, зачем и почему.

— Доброе утро, Марина Викторовна!

Охранник Саша улыбается мне, как улыбается каждое утро последние четыре года. Администратор Лена уже протягивает расписание на день. Медсестра Катя варит мне кофе — второй за утро, но кто считает в само-то деле? В операционной готовят инструменты к первой процедуре.

— Марина Викторовна, ваша десятичасовая пришла НАМНОГО раньше, — Лена понижает голос до заговорщицкого шёпота. — Она… в настроении.

— Орлова?

— Орлова.

Ирина Орлова, супруга строительного магната, пятьдесят три года, личный бюджет на «поддержание себя» как годовой оборот небольшой клиники, и характер, который не исправит ни один хирург мира.

— Проводи её в кабинет, я буду через пять минут.

Кабинет у меня аскетичный: белые стены, стол, два кресла, орхидея на подоконнике. Ни дипломов в рамках, ни фотографий с конференций — клиенты приходят ко мне не за регалиями. Они приходят, потому что я возвращаю людям лица. Иногда — после аварий и ожогов, часто после неудачной работы коллег, но основной пласт наших клиентов, неиссякаемый поток идет потому, что время не щадит никого, даже жён магнатов.

Орлова сидит в кресле, скрестив ноги в туфлях за полторы тысячи евро, и буравит меня взглядом, едва я открываю дверь.

— Вы сказали, что отёк сойдёт за неделю.

— Добрый день, Ирина Владимировна.

— Прошло десять дней, Марина Викторовна. Десять! Я не могу показаться на люди!

Я сажусь напротив, внимательно осматриваю её лицо. Отёк минимальный, чуть заметная припухлость под глазами, которую не разглядит никто, кроме неё самой в зеркале при свете сорока ламп.

— Процесс заживления индивидуален. Ваши ткани реагируют чуть медленнее, чем в среднем, но результат будет именно таким, как мы планировали. Через три-четыре дня вы не вспомните об этом разговоре.

— Три-четыре дня! У меня в субботу благотворительный вечер!

— Вы будете неотразимы на благотворительном вечере.

— Вы уверены?

— Я уверена.

Что-то в моём голосе или в выражении лица, или в том, как я складываю руки на столе, заставляет её выдохнуть и расслабить плечи. Я делаю это годами: превращаю панику в доверие, истерику в спокойствие, недовольство в благодарность. Иногда мне кажется, что эта часть работы выматывает больше, чем восьмичасовые операции.

— Хорошо, — наконец говорит она. — Я вам верю. Но если в субботу…

— В субботу вы будете благодарить меня, — я позволяю себе лёгкую улыбку, ровно настолько тёплую, чтобы она почувствовала себя особенной. — А теперь давайте посмотрим, как заживают швы, раз вы у нас ранняя пташка, а у меня есть небольшое окошко.

Вечером мы с мужем решаем провести время не дома. Ресторан выбирал Артём, оказалось какое-то модное место с фермерским меню и ценами, которые не пишут на сайте, явно что бы простые люди сердечные приступы не получали. Он сидит напротив меня, красивый, загорелый после недавней поездки на конференцию в Дубай, и улыбается официанту, делая заказ.

— Ей салат с киноа, мне стейк, и бутылку того красного, что вы рекомендовали в прошлый раз.

Я не люблю киноа. И не просила его заказывать за меня. Но сейчас не время для этого разговора, потому что это наш первый выход вместе куда-либо за очень долгое время. То графики не совпадали, то командировки.

— Как прошёл день? — он отпивает воду и смотрит на меня, но я вижу, как его взгляд скользит к телефону на столе.

— Орлова опять истерила. И мне предложили интересный случай, девочка-подросток после аварии, сложная реконструкция лица. Три хирурга отказались.

— Угу.

— Я думаю взяться.

— Угу. Слушай, мне нужно отойти на минуту, партнёр звонит.

Он встаёт, прижимая телефон к уху, и уходит к выходу. Я смотрю ему вслед — широкие плечи, уверенная походка, брендовый шмот. Мой муж. Пять лет брака, мы красивая пара, все говорят. Но что-то скользкое и холодное дерет меня изнутри, вполне очевидные подозрения роятся в голове, хотя я и продолжаю от них отмахиваться.

Пока его нет, нам приносят напитки, салат с киноа — тоже. Артём возвращается через семь минут, извиняется и тут же начинает деловито разрезать стейк.

— Так что ты говорила про девочку?

— Неважно.

— Нет, правда, расскажи. Сложный случай?

Я рассказываю. Он кивает в нужных местах, говорит «ты справишься» или «ты лучший хирург, которого я знаю», и всё это звучит правильно, но его глаза — пустые. Не злые, не холодные, просто пустые. Как будто он здесь, но мыслями где-то очень далеко.

— Кстати, завтра задержусь допоздна, — говорит он, когда официант уносит тарелки. — Открываем новый салон на Пречистенке, куча бумажной работы.

— Хорошо.

— Ты не обижаешься?

— Нет.

— Точно?

— Артём, у меня завтра три операции подряд. Я буду дома к десяти, если повезёт. Работай спокойно.

— Мне с тобой повезло, ты знаешь? — Он улыбается, его взгляд теплеет и он накрывает мою руку своей.

— А мне с тобой.

Глава 2

Снимки лежат передо мной веером: компьютерная томография, МРТ, фотографии в разных ракурсах. Я смотрю на них уже двадцать минут, хотя выучила каждую деталь ещё задолго до назначенной встречи, а вчера ночью опять все дотошно пересматривала, когда не могла уснуть.

Итак, что мы имеем?

Даша Соколова, пятнадцать лет. Авария на трассе четыре месяца назад, отец погиб на месте, а Даша выжила, но машина загорелась, и правая половина её лица...

Я не люблю слово «обезображена», оно звучит как приговор, а я не выношу приговоры. Я их отменяю.

Три хирурга уже отказались от этого случая. Первый сказал — слишком сложно, второй, что рискованно а третий не захотел портить свою личную статистику и заносить неудачный кейс в портфолио. Мир пластической хирургии достаточно тесен, о громких операциях, точно так же как и о известных клиентах все всё знают.

— Марина Викторовна, они пришли, — Лена заглядывает в кабинет. — Проводить?

— Да, и принеси чай. Несколько вариантов, захвати, знаешь, вот тот, что купажный, который по известной книге фэнтези собирался. Что-то про драконов и всадников. Подростки по ней сейчас фанатеют. Нам кто-то из клиенток его презентовал, помнишь?

Лена удивлённо приподнимает бровь, я никогда не угощаю пациентов чаем, это не моя манера. Но сейчас другой случай, в коридоре сидит девочка, не рискующая выходить из дома четыре месяца и её мать, продавшая машину для оплаты больничных счетов.

Дверь открывается, и я наконец-то вижу вживую, а не на снимках: женщина лет сорока, худая, с тёмными кругами под глазами и сжатыми в нитку губами. Рядом — фигура в широком худи с капюшоном, надвинутым так низко, что лица почти не видно.

Даша.

Она идёт чуть позади матери, вжав голову в плечи, и я физически чувствую, как ей хочется стать невидимой.

— Здравствуйте, я Марина Викторовна. Проходите, садитесь.

Елена пожимает мне руку. Ладонь у неё ледяная и чуть влажная от волнения. Даша не поднимает глаз, просто опускается в кресло и сутулится ещё сильнее.

— Спасибо, что согласились нас принять, — голос у Елены тихий, надтреснутый. — Нам сказали, что вы не берёте такие случаи бесплатно, но я подумала... может быть, рассрочка, или...

— Давайте сначала посмотрим, что можно сделать, — я сажусь напротив них, стараясь, чтобы мой голос звучал спокойно. — Даша, ты позволишь мне взглянуть?

Молчание.

Потом едва заметный кивок.

Она поднимает руки к капюшону, и я вижу, как дрожат её пальцы. Ткань соскальзывает назад, обнажая лицо, и Елена рядом тихо втягивает воздух словно видит это впервые, хотя смотрит каждый день.

Правая сторона… Ожоговые рубцы от линии роста волос до подбородка, стянутая кожа, деформированное веко, часть уха. Левая сторона — нетронутая, почти кукольно красивая: тёмные глаза, ровный нос, чётко очерченные губы. Контраст такой резкий, что у неподготовленного человека должно быть перехватывает дыхание.

— Можно? — я протягиваю руку, и Даша снова кивает.

Мои пальцы касаются её кожи осторожно, я изучаю текстуру рубцов, их глубину, эластичность тканей. В голове уже складывается план: пересадка кожи, работа с веком, коррекция контура...

— Больно? — спрашиваю, когда касаюсь области у виска.

— Нет. Там ничего не чувствуется.

Первые слова, которые она произносит. Голос глухой, безжизненный, будто она говорит не о своём лице, а о чём-то далёком и неважном.

— Это нормально. Чувствительность можно восстановить, хотя бы частично.

— Правда? — Девчонка поднимает на меня глаза и там, под слоями боли и отчаяния, мелькает что-то похожее на слабую искру надежды.

— Я не обещаю чудес. Ты не станешь такой, как до аварии — этого не может обещать ни один хирург. Но ты сможешь выходить из дома без капюшона. Сможешь смотреть в зеркало и не отворачиваться, жить дальше.

Елена всхлипывает, зажимая рот рукой. Даша смотрит на меня, не мигая, и я понимаю: она не верит.

— Нам сказали, что операция стоит... — Елена осекается, и я вижу, как она пытается подобрать слова. — У нас нет таких денег. Но я могу работать, выплачивать постепенно, сколько угодно лет...

— Елена, — я перебиваю её мягко, но твёрдо. — Мы обсудим финансовые вопросы позже. Сейчас мне нужно понять, готова ли Даша. Операция будет долгой и сложной, скорее всего здесь будет несколько подходов, а восстановление займёт месяцы, если не пару лет. Это требует сил — физических и моральных. Ты готова?

Даша переводит взгляд на мать, потом снова на меня. И впервые за весь разговор её плечи чуть-чуть расправляются.

— Да.

Одно слово. Но я слышу в нём всё: страх, надежду, отчаянное желание вернуть себе жизнь.

— Тогда мы начнём с дополнительных обследований. Лена выдаст вам список. А о деньгах... — я делаю паузу, и Елена замирает. — Как мы и обсуждали, если вы дадите согласие на освещение кейса в научных статьях и использование материалов на научных собраниях, клиника возьмет все издержки на себя.

Елена плачет, прижимая руки к груди, согласно кивает. Даша не плачет — она просто сидит, глядя на меня своими разными глазами, одним живым и одним полуприкрытым рубцовой тканью, и почему-то именно это молчаливое внимание трогает меня больше любых слёз.

После их ухода я сижу в кабинете ещё пятнадцать минут, перебирая снимки.

Случай сложнее, чем я сказала им.

Намного сложнее.

Мне понадобится консультант. Кто-то, кто работал с такими ожогами в острой фазе и понимает специфику посттравматической реконструкции.

Я знаю, к кому обратиться. Вернее, знаю, к кому обратилась бы, если бы у меня был выбор.

Илья Костров. Федеральный ожоговый центр. Лучший в стране, если верить статистике, и невыносимый человек, если верить коллегам. Мы никогда не встречались лично, но его репутация идёт впереди него, как цунами впереди землетрясения: гениальный хирург, нулевая дипломатичность, работает в зонах катастроф с международными миссиями, трижды разведён. Последнее — слухи, но если у него и правда настолько дрянной характер… что ж, вполне понимаю его жен.

Но я не жена, и детей крестить с ним не собираюсь. Тянусь к телефону и набираю номер ожогового центра.

***

Он опаздывает на двадцать три минуты. Терпеть не могу, когда опаздывают!

Я сижу в переговорной, снимки развешаны на световой панели, план операции распечатан в трёх экземплярах, кофе остыл. За окном уже темнеет, ничего удивительного для зимы, в пять уже сумерки. Я смотрю на часы в третий раз за последние пять минут и чувствую, как раздражение поднимается к горлу.

Дверь открывается без стука и в меня выстреливают пулеметной очередью данных:

— Соколова, пятнадцать лет, ожоги третьей степени, четыре месяца после травмы, это она?

Он входит, не дожидаясь ответа. Высокий, крупный, в свитере с каким-то странным принтом под распахнутой курткой, которую он даже не пытается снять. Тёмные волосы взлохмачены так, будто он пытался причесаться как диснеевская Русалочка – вилкой, причем все это во время езды на мотоцикле, потому что все его старания, очевидно, пошли в одно всем известное место. Руки — я машинально замечаю руки, профессиональная деформация — большие и широкие, с длинными пальцами, совсем не похожие на руки хирурга.

— Добрый вечер, — мой голос звучит холоднее, чем планировала. — Я Марина Ларина. Мы договаривались на пять.

— Костров, — он пожимает мне руку коротко, почти формально, и сразу отворачивается к световой панели. — Пробки. Это ваш план?

Никаких извинений и дежурного «приятно познакомиться». Он просто берёт мою распечатку и начинает читать, хмурясь всё сильнее с каждой секундой.

— Да, это мой план, — я встаю рядом с ним, скрестив руки на груди. — Пересадка кожи с бедра, поэтапная реконструкция века, работа с контуром в три этапа...

— Доступ неправильный.

— Простите?

Он тычет пальцем в снимок, в область у виска.

— Здесь. Рубцовая ткань плотнее, чем кажется. Стандартный доступ не сработает, вы упрётесь в фиброз и потеряете полчаса операционного времени. Это если повезёт.

Я смотрю на снимок, потом на него. Он же вообще не смотрит на меня, а изучает изображение так, будто оно может раскрыть ему тайны вселенной.

— Я делала подобные операции, — мой голос становится ещё холоднее.

— Подобные — да. Эту — нет.

— Вы знаете мой послужной список?

— Плюс-минус. Но что я точно знаю, так это ожоговые травмы.

Повисает тишина. Я чувствую, как внутри закипает желание сказать ему что-нибудь резкое, указать на дверь, справиться самой.

Но я смотрю на снимок. На область у виска. И понимаю, что он прав.

— Что вы предлагаете? — слова даются мне с трудом, как будто каждое весит килограмм.

Он берёт маркер со стола, мой маркер, между прочим, и начинает рисовать прямо на распечатке.

— Вот здесь. Смещённый доступ, под углом сорок пять градусов. Так вы обойдёте основную зону фиброза и получите нормальное операционное поле.

Я смотрю на его линии. Они уверенные, точные, и, чёрт возьми, логичные.

— Это удлинит время операции.

— На двадцать минут. Зато сократит риск осложнений втрое.

— Откуда такая уверенность?

Он наконец поворачивается и смотрит на меня. Глаза у него серые, неожиданно глубокие и пронзительные, с сеткой мелких морщинок в уголках.

— Рязань, две тысячи двадцать второй. Взрыв на химическом заводе. Сто четырнадцать пострадавших, сорок семь операций за три недели. Двенадцать случаев с такой же локализацией. Я их помню все.

Молчу. Я слышала об этом, тогда это было во всех новостях. Но одно дело читать заголовки, другое — стоять рядом с человеком, который провёл сорок семь операций за три недели.

— Хорошо. Смещённый доступ. Что ещё?

Следующие полтора часа мы спорим. О каждом этапе, о каждом разрезе и шве. Он критикует мой план, я огрызаюсь, он не отступает, я злюсь, и где-то между третьим и четвёртым раундом понимаю, что это лучшая профессиональная дискуссия за последние годы!

Он не пытается меня впечатлить или понравиться. Он просто говорит то, что думает, и ждёт того же от меня.

К семи вечера мы оба охрипли, кофе выпит, план операции переписан заново — и он лучше. Значительно лучше, чем то, с чего я начинала!

— Вы будете ассистировать? — спрашиваю я, складывая бумаги.

— Если пригласите.

— Считайте, что пригласила.

Он кивает, натягивает куртку и направляется к двери. На пороге оборачивается и выдает то, что я точно считаю либо издевкой, либо… не знаю чем!

— Операция в пятницу? — уточняет Костров

— В субботу. Восемь утра.

— Увидимся в операционной, — и деловито, гад такой, добавляет, — постарайтесь не опаздывать.

Я смотрю на закрывшуюся дверь и не могу понять, злиться мне или смеяться. Кажется, и то, и другое одновременно.

Глава 3

Бабушка рассказывала мне эту историю только один раз, а именно когда мне исполнилось шестнадцать и я спросила, почему мама никогда не приходит на мои дни рождения.

В тот раз мы сидели на кухне в ее маленькой квартире на окраине, где привычно пахло пирогами с вишней и чем-то горьковатым, это уже потом я поняла, что пахло валокордином, ба пила его, когда волновалась или нервничала. А в тот вечер она волновалась очень сильно.

— Твоей маме было двадцать, — начала она, и ее руки, месившие тесто, на секунду замерли. — Двадцать лет, подумать только: контракт с парижским агентством, обложки журналов, деньги, о которых мы с дедом и мечтать не могли… Она была такая красивая, Мариша. Ты не представляешь, какая красивая…

О, я представляла.

У меня в комнате лежала стопка старых журналов, которые я тайком вытащила из бабушкиного шкафа. На всех обложках была моя мама, такая юная, сияющая, с глазами, в которых плескалось что-то похожее на счастье… Или на голод. Тогда я не умела различать.

— А потом она приехала домой на Новый год и сказала, что ждет ребенка.

Бабушкины руки снова задвигались, с остервенением вминая тесто в стол.

— Она была счастлива, представляешь? Говорила, что это судьба и она обязательно справится, что совместит все, и карьеру, и материнство. Молодая, глупая, уверенная, что весь мир будет у ее ног. Мы с дедом радовались, конечно. Думали остепенится, вернется домой, будет нормальная семья…

Бабушка горько усмехнулась.

— Она родила тебя в июне, а в сентябре уже была в Милане. Сказала, что контракт ждать не будет, но она быстро вернется, что это всего на месяц. А там где месяц, там и два, а потом полгода, потом... — она махнула рукой. — Ты понимаешь. Но самое главное, что ты должна понять, она не бросила тебя, Мариша. Она просто правда думала, что успеет все. Что ты подождешь, пока малышка, пока вырастешь, то да се, время у вас есть… а в модельном мире карьера не ждет…

Бабушка сглотнула, посмотрела на меня и отвела глаза.

— Мы с дедом очень старалась, тем более Вика присылала деньги, звонила иногда, приезжала на пару дней, когда выходило вырваться… С подарками, правда, редко угадывала. Привозила, ух сколько, красивых, дорогих и в наших реалиях совершенно бесполезных. Помню как мы смеялись с дедом, когда она на шесть твоих лет привезла туфельки, для принцессы типа, на каблуке. А куда ж оно, для ребенка-то! Но и в ее оправдание скажу, что она просто не успевала узнать, что тебе нужно вот на сейчас. Потому и выходили осечки…

Да я и сама помнила очень хорошо один из ее визитов. Шесть мне было, или семь тогда… Мама появилась передо мной как чудо-чудное, диво-дивное, вся в чем-то блестящем и невозможно красивом, пахла духами, от которых у меня щипало в носу, и наклонилась, чтобы поцеловать меня в лоб, но губы так и не коснулись кожи, чтобы помаду не размазать.

— Какая ты стала большая, — мама разглядывая меня так, будто я была манекеном в витрине. — И очень красивая. Почти как я в детстве.

Почти… тогда я не придала значения этому брошенному в странной, глубокой задумчивости слову.

Она пробыла у нас часа два, поговорила с бабулей о чем-то взрослом, выпила чай, посмотрела на часы четырнадцать раз. Я считала, если что... Потом сказала, что ей пора, у нее самолет, Лондон ждет и работа. Я спросила, придет ли она на мой день рождения через месяц, ведь бабушка обещала торт.

— Конечно, солнышко, — она улыбнулась, а я, дурочка, поверила.

Мама не пришла. Ни в тот раз, ни в следующий, ни через год, ни через пять лет. Иногда звонила, иногда присылала подарки с курьером. Один раз прислала открытку из Токио — я хранила ее под подушкой, пока бумага не истерлась до дыр.

— Почему? — спросила я бабушку в тот вечер, когда мне было шестнадцать и пироги уже стояли в духовке. — Почему она такая?

Бабушка долго молчала. Вытерла руки о фартук, села напротив меня, взяла мои ладони в свои теплые, шершавые, пахнущие вишней и домом.

— Потому что она всегда верила только в одно — в свою красоту и ее силу, — сказала она. — Для нее это было главное. Единственное, что имело значение. А ты... ты выросла красивая, как она, но выбрала другое. Книги, учебу, голову вместо внешности. Она этого не понимает, Мариша. И злится, что не понимает.

***

И вот мы здесь… Я выстроила свою жизнь, выбрала путь, по которому следую, выучилась там, где мне хотелось и сижу теперь в своем кабинете, в своей клинике, которую создала с нуля и смотрю на фотографию, где бабушка держит меня на руках, мы обе смеемся. За нашими спинами старые обои в цветочек, угол серванта с хрустальными рюмками, краешек телевизора «Рубин». Мира, которого больше нет, ведь не стало и бабули. Но в нем нет и мамы. Странно, да? Ее вообще нет ни на одной фотографии из моего детства, зато она смотрит на меня с плакатов, глянцевых обложек журналов демонстрируя весь спектр эмоций, которых я никогда не видела на ее лице в реале. Она показывала это Лондону, Парижу, Токио и Милану, а я была здесь. Ждала. Верила, что в следующий раз она обязательно приедет и выберет меня.

Она так ни разу и не выбрала…

Телефон вибрирует, вырывая меня из воспоминаний. На экране ее фото и я улыбаюсь, невольно вспоминая бабушкины слова про силу мысли.

— Да, мам.

— Мариша, как дела? Я чего звоню, готовлю список на воскресенье, надеюсь, ты не забыла же? Так вот, пара моих злодружек, — так мама называла якобы подруг, дамочек богатых и очень влиятельных, но тех еще стерв, — подтвердили, что всенепременно будут, вот! Так что надень что-нибудь приличное, ты же знаешь, как они любят тебя разглядывать. Не дай мне повода краснеть, пожалуйста.

Закрываю глаза, я лучший пластический хирург в городе, у меня диплом с отличием и руки, которые возвращают людям лица. Но каждый раз, когда она говорит со мной этим тоном — снисходительным, чуть разочарованным, как будто я опять не оправдала ее ожиданий — мне будто снова пять лет, и я жду ее на свой день рождения.

— Хорошо, мама. Я надену что-нибудь приличное.

— И распусти волосы, ради бога. Этот твой пучок тебя старит. С твоими данными и прятаться за образом Людмилы Прокофьевны. Непостижимо.

Она говорит это каждый раз. Каждый. Я знаю эти слова наизусть, могу произнести их вместе с ней, как стихотворение, выученное в детстве.

— Хорошо, мам.

— Вот и умница. До воскресенья!

Она сбрасывает звонок первой. Как всегда.

Я убираю фотографию обратно в ящик, прячу глубоко, под папки с документами, туда, где ее никто не увидит. Встаю, одергиваю платье, проверяю отражение в темном экране выключенного монитора.

Марина Ларина, успешная, независимая, состоявшаяся и вместе с тем девочка, которую мама очень любила, но не настолько, чтобы остаться.

Интересно, она вообще когда-нибудь об этом жалела? О пропущенных утренниках, несъеденных тортах, открытках, которые я хранила под подушкой? О том, что ее дочь выросла без нее другой и совершенно ей непонятной? Впрочем, я знаю ответ.

Она не жалела и всегда считала, что все сделала правильно: передавала через бабушку деньги на жизнь, оплачивала образование, тем самым как будто поспособствовав открывшимся возможностям. А то, что при этом ее не было рядом... ну, нельзя же успеть везде?

Нельзя.

Она и не успевала.

Глава 4

Я даже не заметила, как быстро наступил вечер. Хотя, скорее даже ночь, одиннадцать вечера как никак.

Клиника, ясное дело, практически опустела, остались только дежурные медсестры и врачи, старающиеся быть незаметными и не напрягать своим присутствием ни друг друга ни наших дорогих клиентов.

Да, я тоже остаюсь дежурить. Не так часто, как штатники, но все. Правда сегодня я здесь не по этой причине. Я проверяю план операции Даши в четвертый раз… или в пятый, даже уже сбилась со счета.

Снимки Даши разложены на столе, исчерканные пометками после нашей с Костровым баталии. Его смещенный доступ обозначен красным, а мои корректировки — синим. Наши компромиссы — зеленым. Документ похож на карту военных действий, и в каком-то смысле это так и есть.

Завтра в восемь утра я буду стоять над пятнадцатилетней девочкой с разрушенным лицом и разрушенной жизнью. У меня будет один шанс. Один. И право на ошибку не предусмотрено.

Я потираю глаза и откидываюсь на спинку кресла. Надо бы поехать домой, поспать хотя бы несколько часов. Но каждый раз, когда я собираюсь встать, взгляд цепляется за очередную деталь в плане, и я думаю, а вдруг я что-то упустила? Вдруг есть нюанс, который мы с Костровым не учли?

Вдруг я не справлюсь?

Стук в дверь вырывает меня из спирали тревожных мыслей. Я вздрагиваю, и стараясь не особо орать, чуть повысив голос разрешаю войти:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.